

ОБЛАЧНОЕ ДЕТСТВО

В поисках компромисса между технологизацией и гуманизацией¹

За окном — осень. За окном — пандемия и инфодемия. И как всегда, когда человечество сталкивается с кризисом, возникает соблазн в сложное время найти простые решения. Испытание на сложность — одно из самых трудных испытаний нашего времени. В подобной ситуации, как и при любом осеннем обострении, невольно хочется задавать странные вопросы: что общего между Золотой Рыбкой, искусственным интеллектом и различными облачными технологиями? не ищем ли мы сейчас магических орудий, похожих на лампу Аладдина, волшебную палочку, скатерть-самобранку, Кольцо Всевластья? Времена меняются, но человечество не покидает стремление найти чудесное средство для исполнения желаний.

При этом хорошо бы помнить о судьбе старухи, которая мечтала, чтобы Золотая Рыбка, являющаяся, кстати, одним из прообразов искусственного разума или облачных технологий, оказалась у нее на послышках. Всякий раз, когда человечество фетиширует технологии, возникает опасность оказаться у разбитого корыта. Для меня пушкинская «Сказка о Золотой Рыбке» весьма современна. Это история о неадекватном уровне притязаний. Именно поэтому я хотел бы поделить ряд тезисов, которые не дают исчерпывающих ответов, но являются приглашением к размышлению.

ТЕЗИС 1 Риски простых решений. Необходимо глубоко осмыслить тезис философа и психотехника Гуго Мюнстерберга, который говорил, что лучше искать ответы на точно поставленные вопросы, чем давать ответы с точностью до 17-го знака после запятой на некорректно поставленные вопросы.

При обсуждении любого усложнения реальности, связанного с ее качественными трансформациями, мы очень часто становимся заложниками поиска простых ответов на неточно поставленные вопросы и создаем риски. Надо четко понимать, что методология — это искусство точной постановки вопросов.

ТЕЗИС 2 Цивилизационный выбор: технологизация или гуманизация. Что является приоритетом в культуре: идеология, мировоззрение или технология? Поиску ответа на этот вопрос посвящены трактаты «Сумма теологии» Фомы Аквинского и «Сумма технологии» Станислава Лема. Эта переключка проходит через все времена и за ней стоит вечный вопрос: что является целью и ценностью любых трансформаций? Если расширение возможностей человека, в широком смысле гуманизация, то, как во времена Реформации и Ренессанса, начинается автономизация общества и его социальных институтов.

Возникает развилка: цель развития — либо человек, либо обслуживающая его система. Отсюда гамлетовский вопрос любого времени: человек ради системы или система ради человека? Мы овладеваем технологиями для саморазвития, для счастья, или технологии рано или поздно овладевают нами? Когда сервисные структуры становятся доминирующими, то система, обслуживая себя, становится тем, что делает культ технологий особым инструментом. Подобный инструмент жрецы (не важно, в Древнем Египте или в XXI веке) используют в целях расчеловечивания и власти системы над человеком.

Перед нами возникает дилемма: ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ИЛИ ГУМАНИЗАЦИЯ МИРА? Сумма теологии и сумма технологии — это варианты выбора, который в разные моменты истории делают цивилизации. Необходимо отразить следующую идею: выбор суммы технологии — это тоже идеология. Мы можем называть

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда/Проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе».

ее идеологией технократизма или прагматизма. Ее сторонники часто эпатажно заявляют: «Мы делом занимаемся, а не философией, спекуляцией, фантазиями, размышлениями о простоте и сложности». «Нам не до рассуждений, — говорят они. — Нам дело делать надо». В литературе человек, который выбирает «дело», представлен, например, Базаровым у Тургенева и Штольцем у Гончарова. Весьма интересно, что в истории философии развилку между прагматизмом и ориентацией на познание, рефлексия, размышление нередко отождествляют с двумя путями: путем Протагора и путем Сократа. Именно оппозиция Протагор — Сократ стала оппозицией «технэ — эпистемэ», где в переводе с др. гр. *техνη* — «ремесло», а *ἐπιστήμη* — «высшее знание, которое выходит за пределы повседневного опыта ремесленных практик».

ТЕЗИС 3 Всесилие технологий как символ веры. В процессе цивилизации мы все время качаемся между разными полюсами. Один из них — «от многих знаний многая печаль», «вот взять бы все книги да и сжечь», «во всем виновен интернет». Так называемые технопессимисты обсуждают варианты восстания людей против восстания машин и, главное, луддизм как социальный бунт против любых изменений. Яркий пример — луддизм против станка Гутенберга, оставившего многих монахов и писцов безработными. Луддизм — это не бунт против технологий, это протест против изменений образа жизни, приводящих к экономическому, социальному, психологическому неравенству и разным формам дискриминации и сегрегации. Но виноваты ли в этом машины?

ТЕЗИС 4 Облачное детство как социальная среда развития цифровых аборигенов. Детей эпохи облачного детства нередко называют цифровыми аборигенами. Наша гипотеза заключается в том, что для цифровых мигрантов разные культурные орудия, в том числе самые совершенные варианты IT-технологий, являются, как говорил классик психологии Лев Выготский, «внешним опосредствованием», а для цифровых аборигенов — внутренним опосредствованием. Цифровые аборигены в буквальном смысле живут в цифровой экосфере — в облачных и туманных технологиях. Если цифровым мигрантам приходится овладевать цифровыми технологиями, то для цифровых аборигенов они с рождения являются средой развития.

Облачное детство представляет собой символ среды развития, в которой вырастают новые поколения. Эти поколения полностью соответствуют представлению о том, что цивилизация — это процесс достраивания человека. Он расширяет свое «я», свое персональное пространство за счет того, что цифровые технологии, разного рода орудия становятся в буквальном смысле слова «органами его тела». Многие культурные орудия становятся частью ЧЕЛОВЕКА РАСШИРЕННОГО. Отсюда — феномен фантомных болей, когда цифровой абориген, не дай бог, забывает дома мобильный телефон. Для него все эти культурные орудия выступают своего рода «имплантами». Для цифровых мигрантов же они выступают важными, нужными, но внешними протезами.

ТЕЗИС 5 «Цифре» все возрасты покорны. Абсолютно неверно полностью привязывать конструкции «цифровой абориген» и «цифровой мигрант» к шкале возрастов. В любом возрасте личность может перевоплотиться из цифрового мигранта в цифрового аборигена. Логика развития может сместиться от культурных внешних протезов к культурным имплантам. И тогда интернет расширяет возможности человека, культуры и цивилизации в ходе эволюции. И тогда культурные орудия позволяют, нередко за счет «человека достроенного», помочь индивиду победить дефекты своего физического тела. Яркий пример тому — Стивен Хокинг.

ТЕЗИС 6 «Человек расширенный» как продукт эволюционного скачка цивилизаций. Идея человека расширенного выходит далеко за рамки образования. Надо четко понять, что феноменологию опоры на технологии нельзя разрабатывать только в сфере образования. Это слишком простое решение в эпоху сложности. В эволюционном контексте мы имеем дело со скачком в сторону новой цивилизации. В связи с этим приведу цитату Конрада Лоренца: «Я знаю, кто есть пресловутое пропавшее звено между обезьяной и цивилизованным человеком — это мы с вами». Эта мысль имеет полное отношение к тому, что называется в эволюции социальным ароморфозом: скачком к иному качеству жизни. Опираясь на гипотезу антрополога Бронислава Малиновского, мы разводим в эволюции цивилизаций и культур два разных вида инноваций: социальные и инструментальные.

Инструментальные технологии имеют ограниченный ареал действия и способствуют усовершенствованию форм производства, увеличению возможностей отдельной сферы или отрасли, но не изменению нашего образа жизни. Социальные технологии приводят к системным синкретическим эффектам, трансформируя образ жизни человечества, приводя к скачкам цивилизации на новые фазы развития. Классический пример такого рывка — это переход человечества, как говорил автор теории массовых коммуникаций Маршалл Маклюэн, в «галактику Гутенберга». В нашей реальности происходит переход от «галактики Гутенберга» к «галактике Цукерберга». Происходит переопределение всей сферы жизни человечества. В чем причина? Одна из причин заключается в том, что мы переходим от адаптивных технологий, имеющих ограниченный радиус действия, к конструированию генеративных технологий, приводящих к порождению многих непредсказуемых эффектов.

ТЕЗИС 7 Риски линейных схем мышления механистического детерминизма. Во всех ситуациях трансформации цивилизаций мы должны постичь образ человека, достроенного технологиями, а также то, что эти технологии имеют системный, синергетический эффект. Для понимания цифровой трансформации недостаточно линейных схем мышления в стиле жесткого детерминизма, потому что мы имеем дело с принципиально нелинейными закономерностями эволюции. Мы же в образовании, оставаясь в рамках линейных схем, пытаемся их дополнить и углубить, не рефлексируя, что имеем дело с эволюционным скачком, подобным скачку от реальности Ньютона к реальности Эйнштейна и Бора. В этой новой реальности особо проявляется код непредсказуемости самого человека. Того человека, для которого эти орудия становятся средствами его дела, и который в ходе цифровой социализации оснащается другими высшими психическими функциями, но в результате этого многое теряет. Он становится более беспомощным без огромного количества своих «дорощенных органов», которые выросли в него в ходе социализации, как импланты, а не протезы.

ТЕЗИС 8 Культурная патология как теневая сторона технологического прогресса. «Деградация» выступает спутником, побочным

эффектом цифровых вооружений разума. Он перепоручает свои функции технологическим достройкам человека расширенного. В результате возникают атрофии высших психических функций. Особая феноменология передоверия умным инструментам: «Я не вспоминаю, а гуглю», «Я считаю не в уме, а только с помощью калькулятора».

Риск развития подобных культурных патологий в ходе развития цивилизации это риск атрофии интеллекта вследствие замены самостоятельных интеллектуальных действий действиями опосредствоваемыми инструментами технологической цивилизации. Можно ли зажечь костер без спичек? Можно ли ориентироваться без компаса (эффект Дерсу Узала)? Можно ли детям технологической цивилизации выжить на необитаемом острове (робинзонада)? Что может человеческий разум без цифровых костылей? Интеллектуальная атрофия как побочный ментальный эффект технологического прогресса, или почему нужно учиться считать в уме, передвигаться без машины, писать от руки и т. п. Не теряем ли мы часто свое «я» в результате отказа от возможности самоделания (антиутопия Фонвизина «Недоросль»). Что мы сами можем без роботов? Как не растерять «блага дикости» при восхождении на Эверест цивилизации?

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть, что облачные технологии представляют собой очередное культурное орудие, меняющее образ жизни человечества и прежде всего образ жизни подрастающих поколений. Вся цифровая трансформация является источником и расширения возможностей выбора, и бегства от выбора. Мы все проходим испытание сложностью и должны быть готовы к нему. Именно готовность к встрече со сложностью и выступает для меня ценностным ориентиром развития образования и условием эволюционного оптимизма, несмотря ни на что. Несмотря даже на то, что, как предвещают мастера информационных технологий, в самое ближайшее время облачные технологии еще больше срастутся с туманными.

Александр АСМОЛОВ, главный редактор
журнала «Образовательная политика»